

Он находился на небольшой поляне. Воздух охлаждал его кожу. Сырой и кислый запах крови, покрывавшей пень и лезвие топора, которым был нанесен удар в шею мужчины, придавал сцене особой мрачности и зловещего флёра. Но все, что он слышал – лишь щебетание птиц. Яркое солнце заставляло отбрасывать густую тень.

- Что, черт подери, это такое? – сплюнул он.

- Убийство... довольно жестоким способом, - прокомментировала Альцина, поглаживая подбородок. – А монстры вообще могут использовать топоры?

- Дело ведь не только в топоре, - он указал пальцем на другие следы. – Похоже, что этого человека избили, потом притащили сюда.

Лэнон поддернул рукава трупа повыше.

- Он был связан веревкой. Похоже, ему фиксировали запястья.

- Но почему убили именно так? – вскинула брови девушка.

Их взгляды наткнулись на глубокие раны в боку человека.

- Не знаю. Судя по всему, его пытались выпотрошить. Кем бы ни был этот больной на голову ублюдок, он либо лекарь, либо мясник, либо колдун. Хотя я бы поставил на мясника, топориче пованивает коровьим навозом...

Альцина приблизила лицо к рукояти топора и шумно втянула воздух.

- И вправду пахнет! - воскликнула она. – Но как ты смог уловить запах с такого расстояния?

- Случайно. В любом случае, о чем они думали, посылая сюда нас с тобой? Что мы сможем это расследовать?... Все, что я могу сказать, так это то, что тот ублюдок был достаточно силен, чтобы тащить за собой взрослого мужчину. А еще достаточно опытен, чтобы обезглавить его одним ударом, не повредив топор. Знаешь, у меня такое чувство, словно они понимают, что мы ничего не найдем, и просто отправили сюда двух самых бесполезных бойцов.

Он оперся о колени и поморщился.

- Это уже седьмая подобная смерть, и почему-то они решили, что всему виной монстр, иначе не привлекли бы к делу гвардейцев Агонии. Но что-то мне подсказывает, что их выводы основаны

лишь на чудовищности самой этой сцены...

Альцина скрестила руки на груди.

- Ну, если бы я обнаружила это тело первой, то сбежала бы, и действительно посчитала бы, что только монстр способен на подобное. Это было бы первое, о чем я подумала, но твои слова... Это действительно выглядит как убийство, совершенное мясником. Хотя немного странно, что ты так спокойно реагируешь на эту сцену.

Лэнон выпрямился и прикусил губу.

- Я слишком много трупов уже успел увидеть, чтобы начать к этому привыкать. Когда мы бродили по окраинам, то и дело натыкались на убитых, выпотрошенных и даже расчлененных людей. И хотя подобные сцены уже начинают входить в привычку, я все еще испытываю к ним глубочайшее отвращение.

- Понятно, - кивнула Альцина. - Я простая деревенская девушка, но ты же понимаешь, что я жила в Поселениях, так? Не говоря уже о том, что подобное для меня совершенно не ново. На диких территориях подобные случаи происходят едва ли не каждый день. Внешние земли все еще не освоены, а гнезда монстров не так уж и легко обнаружить из-за рельефа местности... Ну, так говорил мой отец.

Лэнон зажал копьё под подмышкой.

- Думаю, такова жизнь, - пробормотал он. - Придется сказать им, что это натворил монстр.

- Почему это? - девушка склонила голову набок.

- Потому что если мы скажем, что это убийца, то нас отправят его искать. А мы не стражи порядка, убийства людей людьми вообще не наша партия. Кроме того, скажи, тебе и вправду хочется искать психа, который способен на подобные кровавые ужасы?

- И то верно, - согласилась она. - В чем-то ты действительно прав. Не хотелось бы мне охотиться на подобного опасного ублюдка. Хотя было бы интересно узнать, кто именно скрывается под прозвищем Дневной Убийца.

- У него даже прозвище есть? - Лэнон взялся за труп и оттащил его в сторону. Затем начал копать могилу. - Они не знают, является ли убийца человеком или монстром, но уже дали ему прозвище?

Альцина задумчиво дернула себя за косу.

- Ну, таковы здешние люди. Либо играют в кости, либо лепят слухи из всякого дерьма. Я припоминаю, как однажды слышала о коте, который случайно вонзил нож в грудь какого-то дедушки. Или о парне, который так увлеченно насиловал женщину, что у него остановилось сердце в процессе. Ей пришлось терпеть несколько часов, чтобы кто-то наконец-то снял с нее мертвую тяжеленную тушу.

Лэнон нахмурился.

- Какие-то странные слухи... Это же все выдумки, верно?

- Да кто знает? – она пожала плечами. - Говорят, что слухи рождаются из преувеличенной правды, поэтому часть из них вполне может оказаться реальностью. О, тебе бы стоит поторопиться с захоронением трупа. Мне помочь?

Она взяла вторую лопату и начала помогать Лэнону копать могилу. Им потребовался час, чтобы вырыть достаточно большую яму и только тогда они перевели дух. Убитый был бедным пилигримом, поэтому хоронили его так, безалаберно и на скорую руку. Им просто не удалось бы отыскать его родственников и друзей.

Лэнон даже оказал жертве одолжение, выложив на его могиле камни. Затем сложил ладони вместе и помолился за его душу. Это было странно даже для него, но слова, отличавшиеся от языка Талона, сами собой покидали его уста. Он чувствовал, что это – не просто текст, а нечто куда большее, и что он раньше был с этим как-то связан.

- И что это было? – поинтересовалась Альцина.

- Молитва Господня, - ответил парень. - Вероятно, молитва, которую я часто произносил на своей родине в прошлом.

- Не припоминаю такого языка... даже приблизительно знакомым не кажется.

- Ну... моя родина, вероятно, очень далеко. Скорее всего, ты о ней даже не слышала. Впрочем, сейчас это не так важно, - посетовал он, поникнув головой.

Лэнон и Альцина направились прочь по грунтовой дороге, ведущей в город Моирай. Парень медленно вышагивал плечом к плечу с Альциной. Его голова была склонена вниз, а тело окружала плотная аура одиночества. Девушка время от времени косилась на него, но все же сохраняла молчание.

Они продолжали идти по дороге, пока не остановились в тени раскидистого дерева. Вокруг них растянулось зеленое пастбище, а в отдалении виднелась линия деревьев, ведущая к более глубоким лесам и горам. Лэнон приложился к своему бурдюку с водой, но вдруг осознал, что тот пуст. Альцина протянула ему свой.

- Ты словно из реальности выпал, - сказала она.

- Ах, так и было, - сглотнув, ответил Лэнон. - Мысль о доме заставила меня тосковать о том, чего я даже не помню. Бывало ли у тебя когда-нибудь такое? Когда ты действительно хочешь знать, но глубоко в сердце понимаешь, что не можешь этого сделать? Существует так много препятствий, которые принуждают тебя сдаться. Это все равно, что найти потерянный золотой город, причем даже видя его перед собой ты не перестаешь сомневаться в том, что он действительно реален.

- Тебя так тревожит твой дом?

- Да, я беспокоюсь об этом. Я не знаю, откуда я родом. Память разбита на куски в моей голове, и я чувствую, что мой дом где-то существует, и в то же время, что его нет нигде в этом мире. Существует ли он вообще? Ждет ли меня там кто-нибудь? Не выдумал ли я его сам, для утешения? Когда тебя лишают воспоминаний, единственное, что остается – это ощущение того, что там было мирно. Настолько мирно, что даже застойно. Место, в котором от безопасности можно задохнуться.

- Звучит так, будто это очень хорошее место.

- Так и есть. Мне иногда снится это место, и я просыпаюсь с тяжелым сердцем. Этот «дом» ощущается как сон, и я боюсь, что место, которое я не могу вспомнить, не может являться моим истинным домом. Что, если я придумал эту утопию лишь потому, что потерял воспоминания и как-то хотел заполнить образовавшуюся дыру? Что, если я создал этот «дом» из-за того, что забыл настоящий? Это ли место, которому я на самом деле принадлежу? - он горько улыбнулся. - И даже если этот дом – настоящий, как я смогу найти его таким, какой я есть? Я просто бессильный человек, который служит гвардейцем...

Альцина молчала.

- Я знаю, что возвращение невозможно. Я даже понять не могу, как смог бы туда вернуться. Даже если потрачу всю жизнь на изучение магии – знаю, что есть огромный шанс, что это никак не смогу туда вернуться. Или что вернусь я уже не туда. Все ведь изменится, правда? Или не то место, но я сам изменюсь точно.

Улыбка на лице Лэнона стала болезненно горькой.

- А что, если они тоже изменились? Что, если в том доме больше нет людей, о которых я заботился? Тогда в этом и вовсе нет никакого смысла. Я вообще часто задаю себе вопрос о том, какой во всем этом может быть смысл?

- Как-то неприятно звучит, - Альцина почесала голову. - Ну, что касается меня, то здесь все довольно просто. Если есть дом, то в нем должны быть мои папа и мама. Я могу легко найти их, когда придет время сбора урожая. Или они могут быть уже мертвы, и я их потеряла. Но, мама

и папа продолжали говорить, что жизнь – это дорога одиночества. Вот почему я просто продолжаю идти. Я действительно не хочу возвращаться и грустить об этом. Так что ничем не могу помочь тебе с твоей проблемой. Тебе, должно быть, очень одиноко... не так ли?

- Так, - кивнул парень. – Так душераздирающе одиноко, что временами я чувствую, будто умираю, или хочу вслух кричать об этой несправедливости. Я не единожды взывал к Богу – любому богу из существующих здесь – но пока ни разу не получал даже намека на возможный ответ.

Постепенно он смог начать восстанавливать свои воспоминания. Пусть фрагментарные, расплывчатые и неточные, но все еще воспоминания, которые грели душу. Это были картинки, звуки и запахи, которые так или иначе всплывали в его мозгу, словно он собирал по уголкам все, что уцелело после ограбления. Благодаря этим воспоминаниям он понял, кем был и к какому миру принадлежал.

Действительно, в какой-то момент в его голове возникла детская наивная мысль, что он был призван сюда, чтобы спасти этот мир. Но месяцы, прошедшие с момента его прибытия, дали Лэнону понять, что он просто очередной Никто. Бедный убогодок, случайно заброшенный в мир, где его никто не ждал и никто не хотел видеть.

Он не был избранным, не имел сил или даренных Богом благословений, таких как у Девы Войны или Элементальных Героев. Он не был гением, не обладал особыми талантами. Не умел создавать предметы, которые могли бы помочь ему в этом мире. Когда-то он был просто самым обычным, среднестатистическим человеком в самом нормальном современном мире. Так откуда, черт подери, он мог знать, как создавать порох или конструировать огнестрельное оружие?

Он никак не мог повторить замысловатые конструкции оружия или других приспособлений. Он не был мастером, слесарем, ремесленником, химиком. Даже если он имел общее представление обо всем этом, как это могло помочь создать подобное? Да и ингредиенты, что, из задницы своей вытащить вместе с инструментом? Все, что сейчас ему было доступно – так это зелья да порошки, которые стоили слишком больших денег как для обычного гвардейца.

Не существовало ни богини, ни иного волшебного существа, которое бы сказало ему: «Ты спасешь мир». Не произошло счастливого чуда, которое могло бы навсегда изменить его жизнь и поставить его на путь величия и славы. Если ему суждено было стать великим, то почему он начал в этом мире нищим бродягой, даже не знающим языка? Почему столько времени спустя оставался одним из слабейших гвардейцев своего отряда? Нигде не существовало артефакта или какого-нибудь героического меча, который предназначался именно для него. В нем не было сил, ожидающих пробуждения. Так как он мог полюбить мир, который никогда не выказывал к нему доброты?

Но он все еще просыпался по утрам. Лэнон знал, что погиб в своем мире и что утратил любое направление. Он скучал по дому, и мысли об этом вгоняли его в тоску и мрак. Парень даже сам не смог бы ответить на вопрос, почему продолжает просыпаться, вставать, жить, что-то делать. Он будто очутился в глубокой темной яме, из которой уже не выбраться. Для существования

человеку нужны причины, а для него эти причины были утрачены навсегда.

- Эй, - вдруг окликнула его Альцина. - Город видишь вон там?

- Вижу, - ответил он.

- Теперь это твой дом.

- Что?

Она встала напротив него, уперев руки в бедра.

- Если ты не знаешь, где твой дом, то просто создай его здесь! Нет никого, о ком бы ты мог позаботиться? Так почему бы не начать заботиться обо мне? - она улыбнулась, явно его дразня.
- Может, я не особо красива, и ничего такого во мне нет, но ведь это только начало, верно? Пусть у тебя нет того самого дома, или людей, о которых ты тогда заботился, но разве это не лучше, чем ничего?

Он уставился на нее. Она действительно не была особенной. В ней не было вообще ничего, кроме солнечной улыбки и веснушек на щеках. Ее заплетенные волосы и то, как девушка носила свой шлем, заставляли ее выглядеть неуклюжей. Тем не менее, сейчас она казалась ему ослепительной.

<http://tl.rulate.ru/book/27313/952996>